

Алексей А. Шепелёв

МОСКВА-ВАД

Записки столичного дауншифтера

Алексей Шепелёв

**Москва-bad. Записки
столичного дауншифтера**

«Издательские решения»

Шепелёв А. А.

Москва-bad. Записки столичного дауншифтера / А. А. Шепелёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740828-2

Будни спальных районов, пресловутых пятиэтажек — почти документальные репортажи с места событий. Метро, рынки, супермаркеты, парки отдыха, «свистопляска» гастарбайтеров за окном, «явления» дворовых алкашей, мытарства трудоустройства, символичная работа (смотрителем «в сердце и символе России» — Соборе Василия Блаженного), лайфхаки московского выживания — обо всём этом в своей фирменной иронической манере повествует автор-нонконформист, создавая необычное произведение на стыке романа и нон-фикшн.

ISBN 978-5-44-740828-2

© Шепелёв А. А.
© Издательские решения

Москва-bad

Записки столичного дауншифтера

Алексей А. Шепелёв

Фотограф Анна Шепелёва

Фото на обложке Алексей Шепелёв

© Алексей А. Шепелёв, 2023

© Анна Шепелёва, фотографии, 2023

ISBN 978-5-4474-0828-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга эта, по сути, настоящий нон-фикшн, поскольку всё в ней описанное, не плод вымысла. Провинциал в столице, покорение Москвы – вечная тема...

Первоначально я хотел написать серию очерков или репортажей, с идеей максимально просто зарисовать и изложить то, что, переехав в мегаполис, видел и испытывал сам. Эксперимент *in vivo* – на собственной шкуре, «включённое наблюдение» вынужденного антрополога. Но в процессе работы писательская привычка к оптике романиста тоже пригодилась, а местами даже и возобладала, хотя для меня самого получившееся произведение всё же мемуары, записки «с натуры», а не роман. Занимательность и ирония пробились, как мне кажется, вездесущими ростками даже чрез железобетон и такого материала, хотя повествовать пришлось, сказать честно, порой из самых глубин отчаяния.

У меня также не было желания, подражая авторам поднаторевшим, всяким блогерам, выдать, как сейчас это называют, книжку *актуальную*. К выборам столичного мэра или сразу после событий в Западном Бирюлёве, пред- или постковидную – с досужей критикой всего и вся... вроде того же, допустим, пресловутого Навального! Не правдорубы это «за народ», а игроки в напёрстки, пустозвонство. «Протесты», «пандемия», «транспортная проблема», «реновация», «модернизация», «оптимизация» – сколько слов «хороших»... Как художника меня всегда привлекало измерение психологическое, метафизическое, а злободневность и политика интересовали мало. Однако книга, которую вы держите в руках, создавалась в едином порыве «не могу молчать!», когда сама жизнь, что называется, заставила обратиться к насущно социальному.

Для большинства жителей необъятных просторов нашей страны столица – нечто далёкое и баснословное, многие ещё помнят её советский полумифический облик. Сегодня мы видим образ столицы лишь в кривом зеркале СМИ. Многие из описанных в книге проблем, мне кажется, попросту замалчиваются; нет описания – нет проблемы. То, что по телевизору или в блогерских отчётах кажется очевидным и подчас грандиозным, в реальности не так гладко, а то и вообще – пшик.

Вот одна из столичных картинок. Льёт дождь, мы с женой, промокшие, голодные, спешим в супермаркет. А около него навалено какого-то чернозёма, и всё это так и размывает... Наконец-то, прямо перед выборами, на месте отвратительной плешки в центре района спешно решили устроить парк – понавтыкав засохших ёлочек, а половину территории сдав под автостоянку! И вот тут – брезентовая пала-

точка и в микрофон распинается... Навальный! В переходе суют листовки: «будущий мэр», «большая поддержка избирателей», «наша альтернатива». Но на самом деле прохожих москвичей всё это почему-то интересует мало – человек сорок толкнутся с зонтиками, да и те лишь видимость, как пузыри на лужах: на пару минут остановились поглазеть на телеперсонажа и надо дальше мчаться...

Интересует же их то, что происходит у них под окнами. Кто тут стоит с метлой и что делает, кто и что – у метро, в метро, в магазинах, на рынках, в парках и т. д. Как найти работу, какую, и как на ней потом ещё работать... Интересует это и «понаехавших», людей не праздных и с глазом незамыленным.

Идут годы, бегут прохожие, события приобретают выпуклость, иной масштаб, а воз и ныне там... Несмотря на буйный цвет блогов и соцсетей, обычный человек по-прежнему по-пушкински безмолвствует. Работяга, живущий в пятиэтажке под снос в спальном окраине, вряд ли возьмётся за перо, а если даже что-то и напишет, «нечто полуграмотное в своих «Одноклассниках», его вряд ли услышат, в блогосфере офисного планктона и «представителей креативных профессий» затеряются его нехитрые излияния. Если он, к примеру, и прорвётся «с наболевшим» на телеэфир, то не дадут ему связать двух слов, высказать, выкрикнуть – тут же заглушат профессиональной трескотнёй хорошо оплачиваемые спикеры.

В этом контексте личный опыт автора этой книги, возможно, примечателен тем, что принадлежит «персонажу» из самых, можно сказать, низов общества. Для так называемых людей деловых и успешных, созерцающих реальность из-за тонированного стекла джипа, конечно, вокруг совсем другая «дорогая моя столица». Даже знакомые писатели, как я ни прикидывал, гораздо более укоренены в бытии, чтобы их под самый корень «задолбала жизнь», вынудив написать нечто подобное!.. Пусть фактология и звучит довольно громко («работал в двух шагах от Кремля», «на одном из центральных каналов»), занятия я выбирал отъявленно «дауншифтерские», «не при галстук»: с одной стороны, некуда было деваться, с другой же – это был сознательный эскапизм от «благородных» профессий, смежных с писательской – журналиста, пиарщика, криэйтора. И конечно, я хотел просто жить, не собиравшись ничего описывать.

Критиковать что-то с позиции здравого смысла, как я понял, предлагая рукопись книги журналам и издательствам, тоже занятие вызывающе неблагодарное. Если ты прямолинейно за власть или против неё, туполобо «за» приезжих или, допустим, «против» них – у тебя уже есть один сторонник... Особенно в эпоху патристического панкреатита и глобалистской манной каши.

Посвящаю эту книгу жене Ане, разделившей со мной – иногда уже на грани всякого терпенья – все тяготы московского выживания.

Часть I. Москва и немосквичи

Глава 1. Гастарбайтер как полтергейст

Переехать в Москву нам помог некий чудесный, или чудной, случай, связанный, по словам хозяйки новой квартиры, с полтергейстом. Однако, чтобы с первых строк не настроить читателя на фривольный массово-литературный лад, опишем этот случай немного позже.

Уже в первое утро, часов в шесть, мы с женой поняли, какой истинный полтергейст отпугнул наших конкурентов, вернее, конкуренток. Прямо под окном нашего первого этажа, не намного больше, чем в метре от него, началась громкая возня: оказалось, именно здесь располагается вход в подвал, где не сказать, что *живут* дворники-гастарбайтеры, но держат свои инструменты, одежду и прочее.

Сначала идёт очень сильное погромыхивание длинной железячиной, скобой с проушиной, на которой висит старинный навесной замок, сопровождаемое с утра не столь ещё оживлёнными переговорами на языке оригинала (если пришедший не один), а также почти неизменными (но пока умеренными) звуками музыки из телефона – предположительно на том же языке... И дальше, после переоблачения в заветную оранжевую тужурку, начинаются длиннейшие телефонные монологи, сопровождаемые курением вонючих сигарет, а иногда и оригинальной ориентальной песенкой из *второго* телефона, с каждой минутой всё более оживляемые напором и каким-то весельем, и настолько, мы понимаем, увлекательные и затяжные, что абонент, судя по растрате средств, находится в соседнем подвале, судя же по интонации – в кишлаке почти на другом конце земли, причём у них явно уже полдень.

Хотя вполне может статься, что существует специальный тариф «гастарбайтерский», ведь как оказалось, наш пухлый молодой подоконный оратор не одинок, более того, кругом, буквально за каждым углом, на каждом шагу, созданы все возможные – и кажется, и невозможные – условия для подобной межконтинентальной говорильни и прочих видов необременительного труда и сопутствующего ему нехитрого отдыха.

Естественно, что поначалу и Аня, и даже я обращались к нашим говорливым, весёлым, темпераментным друзьям. Обращались чрез форточку и в очень вежливой форме. Потом в не очень... Но, наивные, мы не понимали ещё, куда мы попали, *где* мы сейчас живём!..

Но не будем забегать вперёд. Скажем только, что культурный шок, который мы испытывали, это не ошарашенность провинциала от мегаполиса и столицы. Переехали мы не напрямую из провинции, а пять лет прожили в Подмосковье, практически еженедельно бывая «в городе», одно время даже тут работая – здешний порядок нам знаком и привычен, хотя даже при беглом взгляде ситуация год от года всё ухудшалась...

Впрочем, на полное осознание – насколько всё тотально, запущенно и неисправимо – хватило нескольких дней, наверное, как раз одной недели. Три года добавляют к этой реальности абсурда лишь отдельные штришки и мазки, и картина, как вы уже понимаете, не «Московский дворик» вырисовывается, и не «Взятие снежного городка», а что зимой, что летом всё больше на «Последний день Помпеи» сбивается, как будто до фотографического запечатления Брюлловым идёт уже отсчёт последних наэлектризованных мгновений. Остаётся только улыбаться какой-то гоголевской улыбкой...

Чтобы не повторяться с уместным нынче разве только на театральных подмостках словом «просьба», я написал: «НЕ НАДО ГОВОРИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ ПОД ОКНОМ!» – и, обмотав скотчем, привесил картонку на стекло. Но и «не надо...», конечно же, слишком сложно, пришлось несколько раз перефразировать... И наконец, даже продублировать идиотское запрещение на узбекском, таджикском и кыргызском языках! Что послужило лишь стимулом для лингвистических упражнений прибегающих за угол или к подвалу по зову природы.

Понятно, что первый этаж (даже квартира №1!), коему я поначалу так обрадовался («жить на земле» и всё такое), сыграл тут с нами ту ещё шутку. Конечно, где-нибудь на двадцать четвёртом поднебесном ярусе время, может, и течёт, как пишут учёные, на какие-то супермикросекунды быстрее, позволяя новоявленным москвичам больше успеть, а так называемым коренным, пенсионерам из пятиэтажек «сносимых серий», прибавляя несколько секунд бесплатного долголетия...

Довольно скоро мы заметили, что все многообразные аудиовизуальные процессы, протекающие под стенами нашего пятиэтажного терема-теремка, даже на втором этаже заметны уже гораздо меньше. Особенно если поставить пластиковые окна, закрыть их наглухо и опустить жалюзи. Только один-единственный раз мужик из не задраенного иллюминатора над нашим на очень длинную трель гастарбайтера в самый неурочный солнечно-праздничный час очень невежливо выкрикнул (но опять же, что замечательно, без какой-то неполиткорректности). При этом знакомый нам пухлый весельчак-молодчик (не что иное, как дворник нашего дома)

понижил громкость воспроизведения речи (с 94 до 48, если брать аналогию с телевизором), понизил темп, – а как бы и битрейт – с 320 слов в минуту до 160, и отошёл на два с половиной шажка.

Даже если бы он переговаривался с Австралией или Антарктидой, где совсем всё не так и люди, почитай, вниз головами ходят, я всё равно не понимаю, где набраться стольких впечатлений, тем и эмоций для бесконечных рассказней-рулад! Не иначе как он ведёт прямой репортаж для какого-нибудь «Аул-Радио» или передаёт подробные данные о местном житебытье недалёким инопланетянам с далёкой Альфы Центавра!..

Пятиэтажка наша, что и говорить, при всей типичности этого жилья оказалась примечательной. Так называемая «лагутенковская хрущёвка», построенная по проекту деда известного рок-музыканта и давно уже предназначенная под снос. В постоянных переселениях и переездах немало пришлось повидать «жилья», но тут... Жить в такой однушке, надо сказать, вполне можно – и я даже не иронизирую: живал я и в «берлагах» из горбылей, и с «картонными» перегородками, и когда постелька «из окна», ночевал в различных сторожках...

Основой, так сказать, функциональной целостности проекта – или современного его использования – является центральное отопление. Точнее, его непрерывное использование весь отведённый отопительный срок. Иными словами, независимо от погоды (то есть в диапазоне температур от —минус тридцати пяти до плюс двадцати!) батареи жарят на всю, они раскалены так, что к ним не притронуться! За счёт этого, надо отдать должное, достигается решение основной задачи, актуальной – чтобы там не пели, заплетаясь, в одних телепередачах про какую-то модернизацию, а в других про высокие технологии и «умные дома» – и для XXI века: зимой в сильные морозы тепло. И это притом, что стены толщиной в полтора кирпича (38, кажется, см! а сначала я даже думал, что в один) – несколько странное создаётся ощущение, что проживаешь почти на улице.

Или как будто в каком-то аквариуме – всё кругом видно и слышно. В комнате два больших окна, одно прямо весьма большое (не то, где дворник с друзьями и музыкой), на кухне – *удивительно* маленькой! – тоже обычное. Таким окнам только бы радоваться!.. Если бы все они не были забраны железными прутьями: теперь в столице без этих решёток – у кого-то фигурных и крашенных, а у кого-то простых, один-в-один тюремных! – на первых, а то и на вторых жилых этажах не обойтись. Сомнительная безопасность, ради которой крайне опрометчиво для большого города нарушены правила пожарной безопасности.

Расстояние между стёклами в раме сантиметров пять! Такого я нигде не видел! Кое-что я всё-таки понимаю в кирпичах и рамах: самому приходилось участвовать в стройке в деревне. Вот, кстати, вспомним классические параметры крестьянской *каменной* избы, не нынешней тоже, а построенной, как, например, наша, в аккурат в то же время, что и лагутенковские коробки (ну, или у кого-то десятка на два лет раньше, традиционные пропорции не изменились). Стены, мало того, что в два кирпича, так ещё и с засыпью – засыпанным между этих двух кирпичных рядов утеплителем из сухого навоза, так что в итоге толщиной почти в метр; на зиму вставляются вторые рамы, с расстоянием от первых не менее четверти метра – за счёт воздуха, как ни странно, отличнейшее утепление и звукоизоляция, плюс окна в отличие от пластиковых всё же «дышат».

А тут, конечно, дышать-то они дышат (рамы все в каких-то болтах и железных култыпках, вывернутых и неподогнутых, замазанных застывшей краской, из-за чего плотно ничего не закрывается, а что надо не открывается), но при этом, как уже сказано, со всей округи «в гости будут к нам» каждое слово, каждый шаг, каждая вибрация. Квартира угловая, посему она идеально подходит для обозревания процессов, бьющих ключом не только непосредственно под окнами, но и в некоем отдалении. Плюс окна расположены поразительно низко от пола, подоконник чуть ли не на уровне колен, а пол практически совпадает с землёй на улице. По непонятным причинам пятиэтажка, в отличие от многих рядом, имеет на удивле-

ние низкий фундамент, из-за чего она сама выглядит какой-то приземистой, а уж из дома у нас вид как из подвала какого: не то, что сапожник, точая сапоги, на них же (сапоги) и смотрит, ничего вокруг за работой не видя, а модельеру или де Мольеру уж точно надоело бы на вечный маскарад и подиум плятиться!..

...И вот наш друг, прогромыхав щеколдой и замком, переодевшись и ещё раз прогромыхав, вытащил на свет божий (пока неясный и неяркий) свои инструменты: обыкновенную метлу из берёзовых прутьев (постоянно разваливающуюся и периодически чинимую) и некую тачку... вернее даже сказать, некие колёска с некоей платформой, весьма напоминающие соответствующую колёсную основу от старого образца детской коляски, поржавевшую, без лишней амортизации и шин... На неё сверху ставится железное корыто (точнее, знакомая многим родившимся в Союзе оцинкованная ванна, тоже, можно сказать, детская); а у некоторых, вскоре мы узнали, самых продвинутых дворников-арбайтеров заменяется – в сухую погоду, по изобилующим мусором праздникам, а иногда и вовсе – огромной картонной коробкой, которую надо сначала под окном собрать...

Если метла, понятное дело, традиционное на Руси орудие данного сословия и ея, как писал тот же Гоголь, «отступить не можно», то таратайка сия, никак не удивлюсь, если является как-то официально вменённой на уровне правительства Москвы, управы, управляющей компании или ещё какого неведомого нам высокого всеуправляющего органа. Таковая, как известно наблюдательным простым гражданам (засаженым в бетонную каморку пенсионерам – прочим не до этого), имеется у каждого дворового труженика! Пройдись пешком – в каждом переулке-закоулке услышишь это средневековое дребезжание... Через какое-то время мы заметили, что у нашего появилась *новая* коляска – с ярко-синей крашеной рамой, с «обутыми» колёсами – словно «крутая тачка» у другой категории граждан, – но всё с тем же сказочно-археологическим корытом!

И вот он, установив ванночку или коробку от пылесоса, а в неё водрузив, что твоя ведьма в ступу, метлу, одной рукой вещая по мобильному, а другой управляя, движет всю эту систему во двор... вернее, в подведомственное ему пространство... (Пространство это, как мы поняли, с одной – фронтальной – стороны дома и площадью никак не больше футбольного поля, но дабы не пытаться объять необъятное, хозяйственная деятельность строго ограничена лишь асфальтовой его частью: сметанием пыли, мусора или снега с тротуарчика шириной не больше метра – одному человеку пройти! – и с асфальтовой дорожки к пятиэтажке – одной машине проехать!) Причём движет хозяин свой шарабан как правило не по грязи и рытвинам, вечно присутствующим у нашего живописного притягательного угла, не вдоль или поперёк бордюров бесконечно и косо нагроможденных тротуарных тропок, а по каменисто-асфальтовой кромочке прямо под окнами... И сам, слоняясь туда-сюда по всеразличным своим псевдослужебным надобностям, всегда предпочитает профланировать именно тут... не прекращая при этом разговора. Поэтому в любой момент, с самого утра и до полуночи, едва подняв голову с подушки, сразу можно лицезреть (и слышать, конечно) натуральный кукольный театр бесплатный – проплывающую за окном голову, щекасто-довольную и румяно-прыщавую, в вязаной шапке, надетой, как раньше у самых отъявленно сельповатых гопников, на макушку, чтоб торчали уши (так, видимо, легче говорить по телефону). Балаган с Петрушкой в колпаке – весьма похоже! Разве что это не Петрушка, а какой-нибудь Абдуллох или Алпамыр.

Соответственно, и он может увидеть и услышать тебя. Прозрачным стенам и окнам и тюль не особо поможет – мы сами смотрели для эксперимента. Издалека ещё ничего, но он-то расхаживает в двадцати сантиметрах от окон! Зимой едва ли не в три-четыре дня уже нужно спешно задёргивать шторы – иначе *наш друг* (назовём его всё же так), а также и его друзья и все прочие бесконечные прохожие будут тобой любоваться как в освещённой клетке. В Европе, хвастаются, дома стеклянные строят для особо прогрессивных, кому и скрывать нечего, а у нас Лагутенко это ещё вон когда реализовал! В итоге солнечного света почитай не видишь вообще.

Другой ещё вопрос – чем дышать. Открыть рамы большого окна невозможно (да и неудобно), форточка там в самом верху размером 30х30 см и тоже наглухо забита, остаётся только слегка отворённая малая створка того самого уподвального оконца! Помимо звуков это в момент освежает табачным угаром и прочими специфическими запахами – приходится, рискуя задохнуться, каждые несколько минут то приоткрывать, то закрывать окно.

Чуть-чуть спасает приоткрытая створка на кухне. Но тот же угар сразу улавливается, если кто-то курит под этим окном (как раз около двери в подъезд) или в самом подъезде. Все проходящие и не знающие кода двери, как в деревне, долбят в любое время суток к нам в стекло. Особенно это полюбилось доблестным участковым, коих я, как примерный гражданин, неоднократно запускал.

Как раз ровно в три часа наш друг, хозяин подвала, угла и окрестностей, является во всей красе повторно. Утром, если спешит, он управляет минут за сорок и, переодевшись, уходит, а если в штатном режиме – вразвалку, с музыкой и прибаутками, с коллегами – то часов до девяти. А в этот раз он откровенно не спешит, и может маячить во всех трёх окнах весьма долго... Парень очень любит насвистывать и напевать (особенно поутру, покуривая спиной к стенке), а его подруга – впрочем, о ней подробнее позже – посиживать на солнышке под деревом напротив того же сверхпривлекательного нашего окошка и тоже напевать, общёлкивая при этом ногти... Пастораль да гламур! Весёлые это ребята, весёлые и, судя по одежке, ещё и спортивные!

О псевдослужебности мы ещё поговорим, а пока что отметим, что валяющиеся под окнами и у подъезда бутылки, жестяные банки, воздушные шары, всяческие обёртки, сигаретные пачки и тем паче окурки и битые бутылки никак не привлекают внимание дворника. В его обязанность, видимо, входит сметать подобные предметы, если попадают, лишь непосредственно пред домом, где уж совсем на ходу и видно, а этот «бермудский треугольник» у подвала является его собственным угодем, сюда все кому не лень – даже он сам! – швыряют бутылки и всякую дрянь... Слегка разбирается сие только по праздникам – когда совсем уж мешает ходить и катать тачку.

Кроме того, зачастую под окном присутствует некая бонусная инсталляция «от фирмы» – в виде распотрошённой метлы, разваленной, раскисшей под дождём коробки, «разбитого» корыта (иногда двух рядом!), а порой и предметов одежды, обуви и ещё более первойшей необходимости. В осенне-зимнюю слякоть пейзаж этот, что и говорить, даже для самой натренированной психики выглядит удручающе: какие-то шмотки и объедки, всё втоптанно в грязь! Тут не Москва-столица мнится, а какая-то свалка на заброшенной деревенской окраине. Но даже в запущенной деревне можно у дома всё расчистить и привести в порядок, а здесь нет – за сутки образуется то же самое... Деревце за окном, вроде бы единственная отграда взгляду, и то расписано при пробах краски белыми, бордовыми, зелёными пятнами и выглядит как увеличенный фрагмент картины Врубеля. Даже стена соседнего дома, незатейливо стилизованная советскими строителями под кирпичную кладку и хоть какой-то похожестью на каменную тоже могущая хоть как-то порадовать глаз, с невообразимым ни для какого совка спустярукавством испорчена неровными квадратами, намалёванными желтовато-коричневой краской всё теми же заезжими горе-художниками!

У нас для них, как я потом догадался, тоже есть своего рода инсталляция, правда получившаяся невольно. Единственное, что вполне ясно можно увидеть с улицы и днём и ночью, из-за недостатка ширины шторки на большом окне, это православные иконы, висящие на белой стене да ещё освещённые настольной лампой. Сейчас это, что называется, совсем «не в тренде», наверное, даже небезопасно, во всяком случае, особой дружелюбности не жди. Не могу похвастаться никакими изысками и раритетами: сверху обычная софринская икона «Вседержитель», подаренная «в благословение» родителями, слева на импровизированной картонной полочке приютились несколько карманного формата иконок святых, тоже простец-

ких, привезённых из поездок. Но главное – цветная распечатка А4 древнейшего изображения Христа. Это изображение (фотография фрески из монастыря Св. Екатерины на Синае, VI век), непривычное даже и для нас, является самой выразительной частью композиции. Как только заглядываешь украдкой в окно, тут же обжигаешься басурманскими глазами о взгляд Христа, при всей кротости всё же пронзительный.

До нас тут, хвастается хозяйка квартиры, батюшка пять лет жил. Бабуся тоже вроде как православная, она эту Синайскую икону забрала, а мы нашли в интернете, распечатали и повесили на то же место.

Я и сам порой обжигаюсь, за работой тоже как украдкой взглядывая. Совершенная непривычность здесь в том, что Иисус изображён «вживую», практически в движении, словно это едва ли не на ходу снято нынешним цифровым аппаратом. Плечи и грудь идущего по земле Христа покрывает не привычное красно-синее облачение, но кажется, что Он одет во что-то, весьма напоминающее какую-то современную ультрамодную куртку со стоячим воротником-отворотом, вполне по-журнальному стильно, прости Господи, обнажающим шею. На самом деле, такое ощущение создаётся из-за практической одноцветности хитона и накидки-гиматия: они в тон тёмно-каштановым власам с косицей тёмно-коричневые. Правая рука изображает двуперстное сложение, но не обычное подчёркнуто символическое, словно застывшее, с поставленными вертикально верхними пальцами, а лёгкое, кроткое, будто только что явленное в благословение невидимому спутнику и... сфотографированное. Левой Он прижимает к себе Книгу, но не раскрытую и сияющую буквами, как нам привычно, а по-походному застёгнутую ремешками...

Если присмотреться, софринский Христос сверху представляет собой то же самое, по сути, изображение, но как бы подретушированное. Лицо Спасителя на нём более округлое, более правильное и благостное, наверное, «более славянское» даже. Брови ровные, глаза такие *просто-добрые*, когда это «добрые» как бы взято в кавычки: как от классической иконографии Господь Пантократор (основой для которой как раз стал Христос Синайский), так и от ещё более грозного нашего Спаса Нерукотворного XXII века в них мало что осталось, как будто оригинал этого «фото» дошёл до нас через тысячи фотоотпечатков! Я не склонен драматизировать, по мне, и софринские иконы сгодятся – подчас людям других просто не на что и негде купить, не это ведь главное. Но с точки зрения эстетической всё же показательно, что «фряжское письмо», которое справедливо упрекают в бездуховности за то, что всё «как на картинке», не только за счёт портретности и деталей таким стало – за счёт чего-то более тонкого. Вот тут, при взгляде на древний образ на фреске VI века, нечто неуловимое захватывает наше внимание и воображение: это фон, перспектива, как на картине или фото – какой-то привычный городской ландшафт, древний полис за спиной живого и близко к нам стоящего Спасителя, напоминающий... Москву. Но там всё залито солнцем...

Как-то в апреле меня поразила вдруг пришедшая на ум другая ассоциация: с изображением Гагарина на советской мозаике или почтовой марке! Шлем визуально напоминает нимб, а позади Христа эта вогнутая эседра – как парабола памятника «Покорителям космоса». И ведь действительно, первый Человек, который ходил по той же нашей Земле вместе с нами, но от земли оторвался – от всего земного, от смерти...

А здесь... В советское время тут, наверное, жилось весьма неплохо – даже в этих лагутенковских. Да даже и в начале двухтысячных тоже ещё можно было сносно перекапывать... Бывали мы в Москве регулярно – изрядно встречалось и тогда мигрантов, так что уже стало заметным, потом на улицах и в метро их с каждым годом становилось всё больше, очень много... Но не настолько, чтобы ни о чём больше не осталось возможности и думать!.. Теперь же, сами видите – прямо у нас под носом «развод караула» этот почти круглочуточный, едва ли не гусарская под окном свистопляска дворника с дружками-сослуживцами!

... Не знаю тоже кого благодарить, кому пришла «благодатная» мысль проложить асфальтовую тропку от приснопамятных наших окон и нашего привлекательного угла наискосок до угла соседнего дома. Вернее, кому пришла, понятно: ленивым пешеходам, – но всё это дело отлито в асфальте, да ещё с крашеным бордюриком. Сработано, мы видим, так же эстетично, как и всё вокруг – вот в обычных дворах вся «джентрификация»... Слава богу, что хоть эту косую факультативную тропку не огородили пока той низенькой капитально железной зелёной оградочкой, коей поистине с московской щедростью и заботой разгорожено-обсажено всё вокруг – отчего вид из любого окна как на кладбище, и всегда подспудно думается, что если вдруг пойдёт человек *на рогах*, в некоей алкоэкспрессии, а тем паче приезжий, то точно в неё влетётся и ноги себе переломает. За неё и здоровому-то подчас трудно не зацепить, абсолютно трезвому: дорожки, особенно такие вот косые, зело-о узкие, при таком наплыве народонаселения двоим не разойтись, а пьяному и подавно – ведь сделано как раз на уровне коленного сустава, а на каждом столбике приварен домиком железный острый уголок.

Но дело, повторюсь, в ином: факультативность этих косых тропок, как водится, перешла в магистральность, и теперь у нас перед окнами нескончаемым потоком маршируют люди – на работу и с работы. Они, по идее, могли бы пройти и более прямоугольно, как везде, но кто-то решил проявить заботу, укоротить им путь. Почти параллельно ближней пролегает ещё одна косая пешеходная магистраль чуть поодаль, там ходят реже, но тоже бывает... Ну тропка и тропка, вы скажете, что ж тут такого! Но в мегаполисе это словно линия конвейера с манекенами. Созерцать всё это, находясь дома, просто невозможно. А самому работать, чем-то заниматься, а то и просто спать – тем более!.. В пять утра начинают идти на работу. Это вам не провинциально-совковый стереотип, что выходить надо в восемь, а отработав, возвращаться вечером в шесть (а иногда можно и в пять, даже в четыре – авось уездная библиотека не убежит) – ах, если бы в восемь, эх, кабы в пять или в шесть!.. До часу ночи всё семят с подёщины! И этот непрерывный поток отчётливо слышен – торопливым туканьем-цоконьем: две трети бредущих в ночи – женщины, большей частью молодые, и 97 процентов из них на каблуках!

Утром, когда только начинаешь засыпать, вдруг, как назойливые мухи, появляются: один, одна, другая!.. В шесть часов текут уже вполне стабильно, что называется, активно. Резкое, устойчивое нацокивание отдаётся в черепе. Порой невольно чувствуется даже характер каждой дамочки! Вот делать им нечего, провинциальным недалёким, но, видимо, крепким созданиям, как с оголённым задником – коротенькая курточка, колготки, иногда джинсы – мерить неуютное, нелюдское пространство аршинными шагами и семяющими шажками, зевая и куря, наступать на ходулях и котурнах по московским кривым дорожкам во мраке промозглой ночи!

В семь-восемь спешат по максимуму. Конвейерный поток как на убыстренной плёнке – несутся, некоторые буквально бегут, но не спортивным, лихорадочным каким-то бегом... Пытаясь обогнать на узкой пешеходотрассе, изо всех последних сил рвутся финишировать, в сотый раз спотыкаясь на треклятых каблуках! Ведь столица, призы дают неслыханные – 25, 30, 40, 50, даже, говорят, «в перспективе» и 80, и 100 тыщ – смекаете?!.

Я это слышу, лёжа на кровати, как будто на берегу высохшего загаженного моря, со стороны которого, ещё не совсем очнувшись от сна, ожидаешь совсем другого... Пусть сегодня суббота, или воскресенье... Вот он, этот очередной звук, возникает где-то за горизонтом, вот приближается, как убыстряющееся тик-так часов (иногда, в самый неподходящий момент, это тиканье сбивается, спотыкается), нарастает до максимума (проходят в полутора метрах от окна), и пока я тискаю и бью подушку, постепенно сходит, как волна, исчезает, как будто убавляют громкость... Как волна на волну, на него уже налезает новый звук-стук, и новый... Постепенно тиканье-спотыканье переходит в какой-то бешено-пьяный треск швейной машинки!

Эх, думаешь, был бы снег, они б не цокали по мостовой подковами!

В шесть-семь часов они обегают, словно муравьи ничего не знающие и не значащие, нашего неторопливого друга с его почти статичной метлой и статичной тачкой. В восемь-девять часов трогаются с места припаркованные напротив пятиэтажки авто (в основном джипы), что создаёт дополнительные препятствия несущимся уже с каким-то ускорением инстинкта, как лосось на нерест, пешим – но на них с их цоканьем сидящие за рулём не смотрят, лишь сигналият: это *пешки*. В девять, в десять, в одиннадцать ещё бегут и идут размеренно, будто оловянные солдатики, даже в двенадцать! «Если же и к одиннадцатому часу ты опоздал...» И в час ещё кто-то куда-то тянется, бабки и домохозяйки, школьники уже из школы.

У меня давно включен под столом рабочий агрегат компьютера – исторический шумно-громоздкий ящик (до покупки ноутбука ещё долго!), на столе ждёт руки и голоса трубка обычного телефона... Но только кое-как, зажмурив глаза и заткнув одно ухо, скрепишься, чтобы позвонить по объявлению, как перекрывая твой небодрый вокал, из окна раздаётся оглушительная трель гастарбайтера...

С двух до трёх период относительного затишья, ровно в три, как с боем курантов, с громыанием полуметровой скобы и полупудового, наверное, замка, снова начинаются пертурбации с тележкой, корытом, коробкой и метлой, и конечно же, с телефоном. Да ещё с подругой...

Нечто вроде служебного романа. Она, тоже рослая и телесистая азиатка, его напарница, моет подъезды (наш – раз в месяц, если не в два). А теперь и в других делах помогает – то есть тоже рисуется под окном, интонациями, жестами и телодвижениями воспроизводя некий спектакль странноватых отношений, где доминирует всё же наш темпераментный амиго. Как видно, видный мачо: вольготно курит, плюёт, отдаёт приказания... Если в руках нет телефона и тачки, он расхаживает, выставив пупок, руками в карманах задрал оранжевую жилетку как плащ Супермена... Вообще безрукавка у него коротенькая, с двумя полосками – не исключено, что сие есть знаки отличия, наподобие как ушитая шапка или разболтанный ремень у армейского дедушки, который уже по званию – с двумя лычками на погонах – младший сержант. Весьма нередко он дефилирует и без жилетки...

Всё смотришь и умиляешься. Натуральный сериал, никакой телевизор не нужен. Здоровые, развесёлые, повторяю, это ребята, общительные и музыкальные, живут не тужат, трудятся в меру и в своё удовольствие, никуда не летят очертя голову, ничем не цокают... впрочем... Да я бы и сам – вполне серьёзно! – работал дворовым уборщиком. За те же двадцать тыщ. Это, можно сказать, моя мечта на поле вакансий. Даже за пятнадцать! Да и наш подъезд с удовольствием помыл бы за сдельную цену... Но неосуществимая: у них кругом круговая порука, и чтобы вступить в орден метлы и корыта, заполучив спасительную оранжевую жилетку, нужно обязательно быть монголоидом и, что называется, *владеть языком* – в столице России, насколько мне известно, нет ни одного русского дворника!..

Цифровая эпоха стоит на пороге, пресловутые «технологии» – разрабатываются... А покамест вокруг царствует, наверно, самая экстенсивно развивающаяся столица в мире... Да у нас, как мы знаем из истории, и всегда-то всё брали нахрапом, увеличением числа батраков – метлой, киркой и лопатой, тачками этими, а то и подвязками через плечо, мешками, ведрами... «Умные» дома, «умные» улицы – тоже, кстати, вполне себе экстенсивное средство полного контроля, – но покамест куда умнее железками всё обгородить, нержавеющей ещё, плитку три раза в год менять, при том же ветхом корыте.

Скрепляешься как можешь, но иногда от этой нескончаемой заоконной пантомимы и вакханалии начинает тошнить. От грубых звуков чужой речи, бессмысленного многолюдья, механического цоканья и всего прочего. И всё это, как со временем выяснилось, беспрерывно и лишь нарастает – перерывы (предположительно запойные) разве что на глобальные праздники вроде Нового года, 8 Марта и главных мусульманских. Как ни занимают внимание дела выживания, как ни пытаешься отвлечься, некуда отвратить взор и слух. В сердцах плюнешь –

устаёшь и плевать! Ком в горле встаёт не проглотить, тоска хватает за горло, раздирающая душу.

Ведь если бы ещё это был факт единичный, не дающий жить лишь нам в нашей отдельной тонкостенной квартирке, с её углом и подвалом, с этими «тихими» зачуханными дворишками с «кладбищенскими» оградочками и угрожающими надписями на заборах: «ПЕРОВО НЕ ШУТИТ»... Но нет!

Глава 2. Алкоголическое общение в стиле «Вовк!»

Но это только, как оказалось, да простит меня Майринк, ангел западного окна. Через несколько месяцев после нашего заселения появился и в течение месяца был полностью осознан феномен восточного окна (хотя наименования им, наверное, подошли бы как раз наоборот). Не поворачивается язык писать всё со словом «был», поскольку и сейчас то же происходит...

Прямо под окном кухни с завидной регулярностью стали раздаваться выкрики «Вовк!». Кто-то, подходя, откашляется, вовкнет пару-тройку раз и тут же, не успеешь выглянуть в окно, исчезает. Даже не выкрики, а как резкое тьяканье собаки – большой такой и с придыханием: «Бофк!».

То ли Ангелина Вовк тут проживает, то ли Вовка какой-то... Впрочем, Ангелина Михайловна, я специально заглянул в биографию, ныне муниципальный депутат, и если к ней и стекаются со своими нуждами, то всё это в каком-то далёком округе «Арбат»... Да и здесь мы, честно говоря, уже по вокалу определили, кто и с какими надобностями «стекается»: в России жизнь на первых этажах пятиэтажек не очень разнообразна – даже в Москве...

Так и есть, это, оказалось, местный представитель свободной творческой профессии, старожилам известный и от пейзажа, если б было кому наблюдать, неотъемлемый. Ходит он пошатываясь, – но явно не праздно! С лицом то красным, то сизым, опухшим подчас до полной заплывшести, большую часть года фигурирующий в как бы венчающей его благородные, коротко стриженные седина ондатровой шапке, – но не с распущенными, как у дедка какого фольклорного, ушами, а с подвязанными и зачёсанными, немного сдвинутой если не на глаза, то на лоб, что ещё в начале 1980-х считалось признаком если не прямо шика и комильфо, то уж точно принадлежности к приличным людям, заработавшим себе на кусок хлеба ещё и добрый ломоть колбасы.

В его облике и теперь проглядывает некое благородство: вышагивает он как-то подчёркнуто прямо (для нынешней неблагородной породы, произошедшей, видимо, как раз от подобных предков, характерна некая рахитическая колченовость – запечатлённая, иногда кажется, даже в покрое штанов! – а уж тем более оно характерно для прирождённых наездников гастарбайтеров, по-прежнему будто бы так и обнимающих что-то ногами); одёжка его, отсылающая в те же полумифические годы застоя, всегда чистая, иногда меняется (один раз он, видно, постирался и предстал в спортивном костюме в стиле Олимпиада-80!), даже стрелки на брюках, если это не джинсы, по-старинному наглажены! Скорее всего, в прошлой жизни он был военным.

Похож он, особенно когда небрит, на Леонова в роли Доцента из фильма «Джентльмены удачи» – настоящего, злого, но бывают (когда побреется) и прояснения в духе персонажа-двойника положительного. Зовут его по-прежнему благородно – Игорь.

Однако в этой жизни, в так называемом нашем мире или измерении, он, как вы уже догадались, не человек, но некое явление, так сказать, регулярно-спорадическое, спорное даже, хотя подчас вроде бы и антропоморфное. (Хотя и большинство текущих под окнами, по сути, имеют те же характеристики – возникающей и затухающей шальной акустической волны.) Как впоследствии выяснилось в процессе долгих наблюдений, на короткий миг, допустим, часов в семь утра, он возникает перед нашим кухонным окном (которое, как уже говорилось, соседствует с дверью в подъезд) и, хрипло-алкашовски прокашлявшись, крайне очерствевшим

похмельным вокалом, с экспрессией разбесившегося на сцене рок-идола или командующего на плацу вояки, вскрикивает: «ВОВК!» Продолжается это буквально каких-то полминуты, даже меньше: загадочный пароль (аббревиатура?) произносится с довольно пропорциональными интервалами два-три раза (иногда четыре-пять), и пока спросонья успеваешь подбежать к кухонному окну и его расшторить, видение успевает исчезнуть.

Повторяемость явления (в среднем три-четыре раза в день) привлекла к нему внимание. Тем более, что дальше оно стало совсем устойчивым и навязчивым, всё равно что то же кочевье под *своим* окном нашего центрально-азиатского в меру колченогого друга (а по весне тут о-го-го! – целое роение – как будто улей хочет отроиться! – его коллег и родственников), разве что для слуха и души вовканье сие родное, ведь всё же «русским духом пахнет».

Мы сразу провели разведку и смекнули, что, действительно, адресуется он к кухонному окошку на втором этаже, почти прямо над дверью, с вечно раскрытой створкой (и зимой и летом, и круглосуточно!), неприличной по обветшалости занавеской и почерневшей сеткой. В ходе усиленных наблюдений выяснилось, что помимо непонятных звуковых сигналов загадочному Вовке (его персона, это мы поняли, наиболее энигматична, если уж не мистична) подаются ещё и такие же малопонятные визуальные, а иногда к каноническому вовканью ещё прибавляется короткий текст, разобрать который на первых порах не представлялось возможным.

Впрочем, догадаться, чему посвящены и жесты и слова, до какой-то первобытной расчеловеченности раскоординированные и искорявленные, конечно же, нетрудно. А вот функциональное, утилитарное назначение их неочевидно. Неведомому Вовке то показывалось чирканье отсутствующей спичкой или зажигалкой, поднесение ко рту сигареты (иногда наличествующей), то ещё более замысловатые виртуальные манипуляции – предположительно – с ёмкостями и жидкостями. После всего этого спектакля, длящегося очень недолго и сопровождаемого столь же стремительным и небрежным мимическим... хочется сказать – балетом, следовала небрежная, а иногда с каким-то значением или намёком отмашка рукой, после чего Игорь, будто отряхнувшись и опомнившись, решительно отправлялся по диагональной тропинке под окнами в сторону метро и прочих градообразующих заведений. При этом, он, естественно, едва перейдя из поля зрения Вовки к другим нашим окнам, сразу закуривал.

На обратном пути он повторял весь спектакль и балет, но чуть подольше, уже с неким надрывом. Но тут же, отчаянно отмахнувшись, исчезал, чтобы через несколько часов появиться вновь...

Иногда он прямо с утра, а тем более с обеда появлялся в уже наполненном тем, что ему нужно, состоянии, опираясь, чтобы не упасть, о ствол берёзы в некоем подобии околоподъездной клумбы, раскорячиваясь на дорожке и мешая идти прохожим... (Кстати, один его коллега, в таком же состоянии, но прущий транзитом, запнулся как-то своими колченожками о молодой клён, вымахавший у нас под тем же кухонным оконцем... А тут как раз услужливые мигранты-иммигранты меняли асфальт на косой дорожке, и земля была взрыхлена... Битый час сей хмельной Лаокоон представлял под окнами и на самом ходу экспрессивнейшее трагикомическое действие борения человека с природой, в результате коего он всё же выдрал и уволок с собой вставшее на его пути деревце – двухметровый ствол с полутораметровым корнем!) Сам Игорь (имя мы потом узнали, не сразу) напоминает слепца у края пропасти. При этом хоть как-то, хоть одной рукой, хоть вполуприсядь, но вся процедура, весь кордебалет, воспроизводится в полном объёме, по окончании чего наш добросовестный артист так же прямо, на прямых, будто протезных ногах (вскоре осознали, что он ещё и прихрамывает), и даже, кажется, особенно гордо задрал голову (не как прочие алкаши-плебеи!), движется по своим делам...

Всячески акробатируя на линии «человек-сверхчеловек-недочеловек» – но опять же с прямыми членами – вот-вот слетит с трапеции, с трассы, хлытнется мордой об асфальт или оградку! – он, как будто специально, заставляет следить за собой с замиранием сердца и соби-

раться уже выскочить ему на помощь. Даже наш друг арбайтер замирает на полпути с тачкой, а то и откатывается шага на два обратно за угол, чтобы не прерывать прохода Игоря! Но тот не падает, не куртыхается и даже не вихляется, как всякие малолетние падонки перепившие, а шествует важно-горделиво, будто павлин среди павианов, но, однако, крайне медленно... Видимо, он очень хорошо знает маршрут.

Полная виртуальность, или, в других категориях, трансцендентность Вовки, к окну которого (а не к нашему!) и обращено всё действие, навело меня на мысль, что исполняемое есть не что иное, как ритуал. «Плывут пароходы – привет Мальчишу! Пройдут пионеры...» То ли Вовка этот настоль авторитетен, что великий грех не отдать ему честь, то ли сам наш Игорь, горемычный, не имеет на свете души (угол-то, судя по всему, есть), к коей можно главу приклонить. А скорее всего, и то и другое, а главное на пенсии по военке. Может быть, старые друзья... Мне это нетрудно представить: наш друг Ундиний, с коим столько в своё время испили да извели в Тамбове-граде, сидит теперь в четырёх стенах безвылазно, даже на инвалидной коляске – и иногда ему старые дружбаны, что называется, серенады поют под балконом. Да и сам я отлично всегда осознавал – в Тамбове, в деревне, в Подмосковье, а теперь и здесь – что значит *некуда пойти*. Совсем по Достоевскому: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти».

Настоящей сенсацией для нас стало, когда Вовка ответил! Его речь состояла из двух-трёх «слов», каких-то хриплых рыков, произведённых гортанью существа куда *более* очерствевшего, чем наш привычный «джентльмен неудачи». Мы поняли, что тут нужна кропотливая работа по расшифровке: пред нами что-то наподобие заезженной старой пластинки или воскового валика, запечатлевшего фрагмент застольно-разухабистого спича великого, но очень пьяного поэта эпохи палеолита.

В пользу высокого статуса, я почувствовал, свидетельствует и само наименование «Вовк». Простецки-панибратское оно лишь на первый взгляд: это всё равно, что на визитке Путина, мне показывали, написано всего три слова, или на кабинете некоторых его предшественников, сказывают, была лишь табличка с фамилией и инициалами. Это не знаю, а на мавзолее куда как просто: «ЛЕНИН» (или там же было: «СТАЛИН») ... Или как самый кардинальный тюремный иль криминальный туз, у коего к его третьестепенному помощнику надо обращаться по имени-отчеству, ибо и такие ассистенты люди уже степенные, на хромой козе не подъедешь, сам именуется просто – «Вован»... Он и от кабана сам тебе отломит ляжку (Вован, Кабан – что-то тоже знакомое...), и своей рукой подаст, а то и из Толстого зарядит вычитанную цитату и сам её *приложитк ситуации*.

Вскоре частотность проявлений в стиле Вовк установилась на отметке пять-семь сеансов в день (странно – и слава богу! – что позже одиннадцати вечера они по сей день не зафиксированы), приобретя также регулярность по часам, будто автобусное расписание, с точностью 5—15 минут. Понятное дело, нас это уже начало не на шутку отягощать, став дополнением доконавшим явлениям амиго-иноплеменника, частью какого-то единого неизбывного стереоявления...

Конечно, за годы скитаний привычны мы уже – насколько можно к такому привыкнуть! – ко всем урбанистическим lo-fi пятиэтажным прелестям: когда музон тебе внезапно врубят, что стены дрожат, к постоянной гомозне и пьянке у соседей, к наигрываниям блатюков на гитаре, к пертурбациям за окном с машинами, но постоянное вовканье и непрекращающийся оголтелый речитатив мигрантов всё перебили!

Поначалу была тоже мысль (особенно у Ани) как-то осадить «Вовку» из форточки... Но, подумав, я растолковал философски, что куда ж теперь человеку деться, может быть, это единственное, что осталось у него в жизни... Пробовали также сами выкрикивать «Вовк!», как только он появлялся и раскрывал рот (откашливание, иногда довольно brutальное, иногда чисто формальное, неизменно предшествует вовканью), но во-первых, как-то и стыдно, чело-

век всё же в годах, а во-вторых, всё же из-за сверхкраткости «вспышки» всегда прозёвываешь момент. Несподручно оказалось и фотографировать феномен: пока расчехлишь фотоаппарат, пока подбежишь к окну... Нужно ещё тюлевую шторку отодвинуть – тогда он тебя видит! – плюс решётки эти дурацкие, сетка на форточке пыльная и клён новый тянется...

Была идея, коль уж явление ежедневное, приспособить его на службу искусству, как теперь принято, актуальному. Если каждый день фотографировать «Вовку», или снимать на видео вовканье, то получится глобальнейшее серийное метаполотно, на котором будет запечатлено однообразное, незаметное, неочевидное, как на отдельных кадрах фильма или мультфильма, но упорное движение героя... куда?... – к смерти, конечно. Примерно тоже, вспомнилось, делали с героем кинофильма «Город без солнца», умирающим от СПИДа наркоманом (Безруков играет одну из немногих подходящих ему ролей), но там он недолго протянул, угас как свечка. А тут, коль ежедневно фиксировать (причём ритуал-то типовой, с небольшими вариациями, плюс единство места и времени), то и впрямь калейдоскоп составит или кинопанорама из сотен и тысяч идущих по порядку фрагментов (за три года, отметим задним числом, это уже больше пяти тысяч!). И не такая уж халява: какую-то загогулину – вроде как увеличенная киноплёнка с тремя десятками фоток – мы обозревали в Московском музее современного искусства, а за это как пить дать премию Кандинского дадут! Нужно тогда миникамеру приобрести и установить её снаружи... А если всерьёз, то с первых минут понятен этический аспект такого вынужденного *скрытого наблюдения*: все мы не удаляемся от смерти, на алкашах и наркоманах это только более заметно, посему отнестись цинично и, задрвав шторы, щёлкать, как папарацци, всё же по-человечески неудобно; да нам, мягко говоря, не до этого...

Но всё же кое-какие крохи, чтоб рассказ сей не показался выдумкой, были запечатлены. Приспособившись, я клал фотоаппарат на кухне и при прокашливании (оно иной раз издали начинается) сразу срывался фоткать или снимать видео через тюль – в итоге мировое искусство и мировая наука располагают лишь несколькими десятками однообразных неясных снимков да двумя-тремя коротенькими роликами, на которых, впрочем, наш «Вовка» запечатлён уже не один...

Второй сенсацией в мире ВОВК стало, когда однажды вместо Игоря появился другой «Вовка» – длинный, в очках, напоминающий кота Базилио из детского кино про Буратино, только похудее лицом и заместо котелка в кепке, и он с той же точностью, но как-то без энтузиазма, проделал весь ритуал, и выполнял его за отсутствующего (может, заболевшего?) мастера около недели! Тут уж мы дались диву!

И совсем уж сдались-раздивились, когда сей неофит, нечаянно-негаданно получив ответный сигнал-рык, распознал это как приглашение на randevu, заскочил в подъезд и запросто поднялся в апартаменты к самому недостижимому Вовке!

Дальше они стали исполнять обряд чередуясь, а зачастую и вместе, причём и тот и другой, а иногда и совместно, стали изредка – а иногда почти ежедневно – восходить на площадку второго этажа и... собеседовать самому Вовке, великому и ужасному!.. Тут уже можно было слушать через нашу тонкую дверь, смотреть через замутнённый – как раньше были популярны такие тяжёлые, пузырчатые внутри зелёноватого стекла вазы – глазок, и даже фиксировать через оный некое слепое видео со звуком.

Занятий насущных у нас, конечно, и так хоть отбавляй, не до созерцания-соглядательства, ей-богу, но в нашем «лофте» и так полный аймакс и долби-сюрраунд, а уж коли в подъезд кто зайдёт, через хлипкую дверь всё слышно лучше, чем дома! В таких условиях театральных подмостков некоторые ведь ещё и работать пытаются – мне приходилось целыми днями сидеть на поиске вакансий и редакторской подработке, у Ани тоже не каждый день были экскурсионные трудовни в музее. Кардинальные же, «серьёзные» идеи, вроде переезда в другое место, при нашем пауперизме даже серьёзно не дебатировались. Эту-то квартиру нашли лишь после долгих поисков, по знакомству и странному стечению обстоятельств – как самую дешёвую,

а после отдачи залога и за месяц вперёд «бюджет» вообще «около нуля» – коту бы было на что корм купить!..

Да и «другое место», судя по нашим дальнейшим наблюдениям и отзывам наших немногочисленных знакомых из Бирюлёво и Котельников, – весьма сомнительная идеологема... Пришлось невольно осознать весь этот сюр, самим внимать мистическому Вовке!

Между тем интенсивность и разнообразность явлений, будто по закону энтропийной необратимости, всё нарастала. Появился третий адепт-Вовка – лет тридцати (!), в вязаной чёрной шапочке и в джинсовке с псевдомехом. Вёл он себя совсем по-молодёжному, стыдно и смотреть. Возникал внезапно, безо всяких откашливаний, предисловий и приступов (второй, Базилио, всё же делал «гм-гм», хоть и условное, но весьма разборчивое). Подойдя к берёзе и невнятно-неумело вовкнув, брался за неё рукой, второй умудряясь подтягивать на весу шнурки на кроссовках. Дождавшись какого-то ответного сигнала (быть может, шевеления шторы), или просто отсчитав положенное время, он самым простым голоском и заштатным тоном негромко выкрикивал: «Как дела?» (какой позор! – вот старик-то Игорь вовкнет так вовкнет!), после чего отсчитав ещё секунд семь промедления, резво влетал в подъезд и пробежал мимо прилипшего к глазку меня на заветный второй этаж.

Попытки анализа аудиовизуальных данных на первых порах ничего не дали. Два новых адепта, незаметно вскочив по лестнице – ещё ведь всегда, как ни радей за новую науку, домашние всякие дела отвлекают! – на несколько минут бесшумно исчезали. То ли войдя к трансцендентному Вовке, то ли получая от него почти беззвучные наставления при открытой двери...

И то такое предположение было сделано нами немного позже исходя из сопоставления с особенными, «не холостыми» визитами их родоначальника – Игоря. Когда джентльмен-аксакал, обделав всё честь по чести, а иногда и повторив для верности ещё пару раз, допускался, наконец, к восхождению (а было это всё же, по отношению к более молодым его коллегам, несправедливо редко), то на площадке второго этажа (уже, правда, необозримой из глазка) начинался некий коллоквиум, длившийся иногда минут по сорок! Это, как вы догадались, и дало науке длинные отрезки речи, по которым впоследствии и был изучен язык вовок. Но поначалу слышалось просто отрывочное порывивание, местами более-менее похожее на отдельные слоги или даже слова. Иной раз шёл какой-то счёт (можно догадаться по интонации, да и названия цифр на многих языках звучат похоже), но очень уж долгий... Даже если они набирали рублями на аптечный «фунфырик», то надо было досчитать всего лишь до 28 – разве что на три-четыре фунфырика, и не только рублями!.. При этом ещё курили. Иногда (но редко) кто-то блевал. Хотелось уже выйти и разогнать наконец-то всю эту тусовку, но Игоря тут явно знали, не сделаешь же замечание старожилу. Иногда, когда кто-нибудь из жильцов проходил по лестнице, он произносил что-то вроде приветствия – его либо игнорировали, либо отвечали (но редко): «Здравствуй, Игорь». Пару раз выкрикивал сверху что-то женский голос, и вовки с ворчанием и шумом на весь подъезд выметались. После долгой мимодрамы у нашего окна или чуть подальше в окрестностях они опять затекали в подъезд! Было понятно, что для них это как лампа для мотыльков и искоренить их невозможно.

Наблюдение в условиях подъезда, надо отметить, затруднено: эхо, да ещё задымление (Игорь почти всегда заваливается с сигаретой, отравляя нам воздух), и сколько ни вслушайся, такое ощущение, что всегда слышен только один голос... И звука открытия двери вроде не слышно, хотя звонок вроде бы слышен... Когда мы изловчились пронаблюдать процесс с другого ракурса, с улицы, никакого шевеления шторы, выглядывания в окно, силуэта в нём или ответного рычания мы не обнаружили. Сопоставив всё это с участвующим количеством безответных вовканий в день (когда и два новых адепта, едва на ходу вовкнув, исчезали ни с чем), было даже сделано предположение, что никакого Вовки не существует.

Был, конечно, уже упомянутый единственный случай ответа (или «ответа») «самого Вовки» – его наблюдала, вернее, слышала Аня, а я бы не мог стопроцентно заявить, что слы-

шал именно «глас Вовки» – и я заявил нечто более научно приемлемое: «мне кажется, что мне показалось...». Возможно, подумали тогда мы, тут попахивает коллективным помешательством, и примкнуть к нему мы пока что не готовы. И несмотря на то, что обстановка вокруг (буквально на 360 градусов) более чем располагающая, как-то не хотели бы вовсе. Прожив тут уже больше года, но, сколько ни всматривались и ни вслушивались (с нашими кондициями, повторимся, это очень нетрудно), никакой Вовка никогда никуда не выходил, и к нему (кроме вышеозначенных абреков) никто никогда не приходил.

Но однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, во дворе перед нашей пятиэтажкой, появились два гражданина... Спешно понавокнув по-над прекрасным медленно угасающим майским деньком, они взбежали по лестнице...

Послушав с минуту впустую, я что-то отвлекся по хозяйству... прошло, наверно, около четверти часа, а то и больше... и подскочил к окну только тогда, когда непривычно широко и резко распахнулась подъездная дверь (пикающая, пока открыта, кодовым замком) и наши знакомцы, сдерживая её плечами, медленно и суетливо выкатились наружу... держа под руки ещё кого-то!.. Тут же раздались голоса – причём сразу отчётливо *три* голоса! И самый резкий, неприятный, необычный из них, немного гнусавый, словно у какого-то тролля, несомненно принадлежал – я его сразу вспомнил! – *самому Вовке!!!*

Вовка что-то бегло изрёк на ходу – то ли изысканно непристойное ругательство, то ли великолепнейшую сентенцию, но кажется, что всё вместе, ему одобрительно поддакнули и... потащили его дальше. Гуру вновь изрёк на ходу – а лучше на весу – нечто лапидарно-изошрённое, на сей раз даже затормозив подручных и подняв меж ними на воздух маленький скрюченный пальчик. Зелёный или красный, я не разглядел, но жест явно *тот самый* – страшноватый, из детства, из киносказки про Чудо-Юдо, когда оно вдруг высунуло из таза с водой корявый палец-коготь и погрозило. Я аж уронил челюсть, не то что фотоаппарат...

«Самого» вблизи я видел считанные секунды. По виду он был подстать своему голосу: маленький, старый, весь скукоженный, небритый, чуть не бородавчатый, его тонкие сухие ножки, едва касавшиеся земли, были как-то сбиты набок или вывернуты... В облике его, как мне показалось, промелькнуло что-то притягательное и одновременно отталкивающее – как в облике... Гитлера, что ли... или Сталина!.. Ленина!.. (Примерно так же полупустое тело вождя на руках вынимают из саркофага.) Ну, или в образах разной нечисти, представленной в тех же советских киносказках за счёт выдающегося актёрства Миллиара весьма симпатичной и забавной. Да тот же Левша лесковский – хоть и не такой потусторонний, но по наружности кривой, малохольный и постоянно пьющий, пусть мастерство и тоску по родине не пропивший... Но я, конечно, толком не разглядел.

Друзья как-то очень проворно перетащили инвалида (или *учителя?* – может, даже в прямом смысле) через дорожки и полянку и примостили на бревно подле хоккейно-футбольной коробки... Тоже, кстати, местной достопримечательности, тоже, кстати, именно у нас под окном, но уже метрах в тридцати, и тоже, кстати, едва ли не круглосуточно оглашающей всё вокруг дурачьими ударами и нецензурными сегрегатскими выкриками. А в последнее время в ней повадились играть... ну конечно же – гастарбайтеры! Двадцать с лишним человек орущих пьяных азиатов – это дети, как однажды ответили Остапу Бендеру, сироты, именно для них, как стоит галочка в отчётах местных властей, и построена на деньги налогоплательщиков «благоустроенная детская спортивная площадка»!

Три богатыря в стиле «Вовк» самым простецким образом уселись на недавно поваленное ураганом дерево (только Вовке, кажется, подстелили газетку) и принялись самым непосредственным образом выпивать из чекушек водку и чем-то закусывать из целлофанового мешка – то ли сушёной рыбой, то ли мойвой... я, кажется, чуть ли не запах этот рыбный чуял!..

Но вот картину из-за слепящего заходящего солнца, всегда, даже весной, отчаянно бьющего в кухню, и нескольких деревьев видел плохо, а из-за выкриков и постоянных выстре-

лов мячом мало что мог расслышать. Единственное, что можно констатировать, что сидящие на выданном с корнем древе, словно посреди половодья или потопа, самым распростецким макарон веселились и развлекались: смеялись на все лады, травили какие-то байки, анекдоты (?!) – во всяком случае, так казалось издали – я даже обзавидовался. Ни тени учительства, назидания или какой-то конфликтации! Чистая, какая-то дикорастущая, стихия – такое теперь нигде не услышишь!

Вот те раз! Live your life, the life is not original, open your mind для плодотворного общения в стиле «Вовк!».

Мне как раз надо было выйти по делам – вышел, запнулся у двери подъезда, перебирая ключи и телефон... Вблизи голоса вовок звучали как на зажёванной плёнке, а то и пущенной назад, со степенью зажёванности по старшинству. Хотел было пройти по ближней дорожке, хоть немного понаблюдать-послушать их со стороны, но когда я на виду мешкался, они, видимо, меня неплохо рассмотрели – как-то попритихли. А я спешил. Когда я вернулся, их уже не было, только газета слегка шелестела на бревне...

Тут уж и удивляться устанешь... Но Вовка не подкачал. Как-то вечером из его окна, оглашая всю округу, разлились нескончаемым потоком звуки... группы Queen! Большая поклонница именно этого коллектива, Аня, подпевая и радуясь (видите ли, не поощряется мною прослушивание и пропевание квиновских рапсодий в наших домашних условиях!), за три часа назвала немало песен и альбомов, включая сольники Ф. Меркьюри и B-sides синглов, известных разве что жёстким фанатам-коллекционерам, как она сама.

Но самым шокирующим было то, что подпевала не только она... Подпевал и Вовка!.. Вокал его был не очень слышен, как-то отрывочен и больше походил на дэтовский, но, тем не менее, он *пел*, и судя по всему, с воодушевлением, весьма долго, и именно Queen! Чудилось какое-то гусарство, будто он, как толстовский Долохов, курчавый и самовлюблённый, сидит на подоконнике с бутылкой шампанского или рома, свесив, как плети, свои ножки, и раскачиваясь и отхлёбывая, тыкая в воздух своим замогильным ногтем, разухабисто дерёт глотку. «Вот какая красивая, оказывается, у него душа!» – почитай в таком духе восхищалась Аня и даже хотела, чтоб познакомиться с маэстро и гуру, выйти подпевать под окном, на том месте, где вовкают, или же сразу взбежать наверх...

Но внезапно на самом интересном месте квиномания резко прекратилась и полилась привычная русскоязычная попсовина, песни полторы. Затем и она оборвалась, и показалось, что послышалось даже что-то вроде перебранки с участием женского голоса (!), при этом Вовка так ворчал, кряхтел и рычал, что точно сказать, что он вещал не один, нельзя. Вспомнилось хичкоковское «Психо», стало жутковато. Непонятно, виртуальная ли его собеседница (жена, алкоподруга, мать?) или нет, но логика развития сюжета была железной, а отчасти уже и привычной: ещё два часа из окна бедного одинокого Вовки раздавался в майскую ночь только его выдавший виды пещерный хрип, монотонно, но с самыми берущими за душу обертонами проносящийся: «Ду-ра!.. Ду-ра!.. Ду-ра!..».

Летом ещё пару раз повторялся вечер музыки Queen, и более-менее синхронно «Ду-ра!», и даже была ещё пара вылазок на бревно, от коих я по каким-то житейским причинам не видел ни выход процессии, ни её заход, а издали мешали листья и звуки отбойного молотка под окном.

Но вообще явления не угасали, а наоборот расцветали самым махровейшим цветом, причём как на восточном, так и на западном фронте, и где-то впереди, я уже чувствовал, готовится их роковое столкновение. Тогда же, наверное, пришло и осознание, что всё же не миновать всё это описывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.